

Морозов Станислав Вацлавович — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и философии Новокузнецкого института (филиала) ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Stanislav V. Morozov — Novokuznetsk Institute (branch), VPO “Kemerovo State University”.

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

Информационно-разведывательная
по Германии
РАССЕКРЕЧЕНО*
Служба внешней разведки РФ 10

Как документ из архива А.И. Гучкова помог товарищу И.В. Сталину

How a Document From Archives of A.I. Guchkov Helped Comrade I.V. Stalin

УДК 929

Статья дает целостное представление о непростой для СССР обстановке на международной арене в 1934–1935 гг. К числу наиболее весомых массивов архивных документов, представляющих значительный интерес для исследователей отечественной истории советского периода, относится так называемый личный архив И.В. Сталина. В настоящее время эти документы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Автор статьи анализирует документальный материал, «изъятый агентурным путем» у А.И. Гучкова, об истории возникновения германо-польско-японской коалиции и ее планах, направленных против СССР.

Ключевые слова

Личный архив Сталина, совершенно секретно, коллективная безопасность, военная интервенция против СССР, 1934–1935 гг.

И.В. Сталин. Графика: А.Н. Яр-Кравченко

Гриф «секретно» был снят с личного архива И.В. Сталина совсем недавно, ведь там хранились особо ценные сведения, добытые советской разведкой, в том числе в течение 1934 г. [1]. Они, в частности, свидетельствовали о создании и деятельности тайной польско-германо-японской военной коалиции, вынашивавшей планы нападения на СССР ориентировочно во второй половине 1935 г. Частично они были введены в науч-

ный оборот автором в многотомном издании «Великая Победа» и ряде статей в 2015–2016 гг. [2–7]. Советское политическое руководство, своевременно проинформированное о подобных планах, изыскало способ предотвратить их реализацию, заключив среди прочего 2 мая 1935 г. советско-французский договор о взаимопомощи и создав тем самым *малую систему коллективной безопасности*.

Among the most famous collections of archival documents of considerable interest to researchers of national history of the Soviet period, there is the so-called personal archive of I.V. Stalin. Currently, these documents are stored in the Russian State Archive of Socio-Political History. The author analyzes the documents, “confiscated with the help of agents” from A.I. Guchkov, on the history of the German-Polish-Japan coalition and its plans against the Soviet Union.

Keywords

Personal Stalin’s archive, top secret, collective security, military intervention against the USSR, 1934–1935.

Наибольшая по объему и важности совокупность документов поступила от «ценного источника» из ближайшего окружения маршала Ю. Пилсудского. Его донесения шли в течение второй половины 1934 г. и позволили постепенно создать из отдельных фрагментов замысловатую мозаику международного антисоветского заговора. Однако особое место в «личном архиве» занимает документ, поступивший из Парижа и добытый советской разведкой из личных бумаг известного русского эмигранта А.И. Гучкова.

Документ заслужил подобный статус прежде всего потому, что является аналитическим обзором, написанным неизвестным автором и посвященным подготовке Польшей, Германией и Японией военной интервенции против СССР. Это оценка независимого наблюдателя, скорее всего бывшего офицера царского Генерального штаба. По его мнению, в роли инициаторов создания коалиции в самом начале 1930-х годов выступили Польша и Япония, подыскивавшие себе союзников в войне против СССР. Активное участие в создании коалиции принял польский военный атташе в Токио полковник Х. Рейхман.

Польско-германское сближение началось немного позднее, причем автор документа отмечает, что в роли инициатора этого сближения выступила Польша. Летом 1933 г. в Женеве в ходе встреч министра Ю. Бека с министром пропа-

ганды Й. Геббельсом последний предложил забыть на время о существующих разногласиях и противоречиях и объединить совместные усилия, дабы получить некие компенсации на Востоке. Беседы на эту тему были продолжены в Берлине, причем некоторые из них проходили при участии Гитлера. Автор считает, что процесс сближения завершился во время январского 1935 г. визита в Польшу Г. Геринга, когда «были выработаны основные базы соглашения и намечены общие пути к осуществлению плана».

Эти самые «базы» предусматривали уступку Польшей Данцига и коридора и некоторое исправление границ, взамен чего Германия отказывалась от каких-либо иных территориальных притязаний. Польша получала свободу действий в отношении Литвы, однако Мемель (ныне Клайпеда) доставался Германии. «Судьба балтийских государств, Латвии и Эстонии, предрешена. Их территории должны служить для Германии и Польши компенсациями за уступки, сделанные обеими сторонами, а также открыть им доступ к морю».

Планы двух сторон относительно получения компенсаций не совпадали. Пилсудский, стремясь к воссозданию «Великой Польши», желал максимального территориального приращения за счет Украины и Бело-

Пилсудский Юзеф — польский государственный деятель, с которым традиция польской национально-освободительной борьбы связывает воссоздание независимой Польши в 1918 г.

В 1926 г. совершил государственный переворот и вплоть до своей кончины, последовавшей 12 мая 1935 г., неофициально определял внутреннюю и внешнюю политику польского государства.

Гучков Александр Иванович — российский политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября». Председатель III Государственной думы (1910–1911 гг.). Военный и морской министр Временного правительства России (1917 г.). В эмиграции в 1921–1923 гг.

был председателем Русского парламентского комитета, выступал за активную борьбу с большевистской властью. Деятельность Гучкова привлекла пристальное внимание Иностранного отдела ОГПУ, который завербовал дочь Гучкова Веру Александровну. Александр Иванович узнал о просоветских симпатиях дочери в 1932 г., когда она вступила в компартию Франции. По инициативе Гучкова при русском экономическом бюллетене в Париже было образовано Информационное бюро для сбора сведений о хозяйственном положении в СССР. Гучков состоял в переписке со многими зарубежными политическими деятелями. После прихода к власти в Германии Гитлера предсказывал скорую новую войну, главными противниками в которой будут СССР и Германия.

руссии. Германская сторона, наоборот, стремилась не допустить чрезмерного усиления своей временной союзницы и «сохранить возможно больше территорий для тех новых государственных образований, которые возникли бы на месте прежней России, ибо эти новые государства <...> должны в представлении Германии явиться пространствами для германской экспансии и экономической эксплуатации».

Да и характер новой власти в России им виделся по-разному: сердцу польского вождя милее были большевики, доведшие страну до истощения и разорения, они бы не допустили «создания национальной России, которая со временем предъявила бы свои требования к Польше». Германия, наоборот, была за формирование в Москве здоровой национальной власти, которая бы восстановила нормальные экономические, политические и социальные условия жизни. Это стало бы залогом «спокойствия и порядка, при которых только и могла бы Германия вложить в страну свой дух предприимчивости и свои капиталы».

Третий пункт разногласий, по мнению автора, касался форм и путей осуществления вооруженного вмешательства Германии, которая не имела общих границ с Советским Союзом. «Санационные» власти якобы опа-

Флор-Райхман Хенрик — польский политик из лагеря пилсудчиков, дипломат и государственный деятель, дипломированный майор сухопутных войск, вице-министр, а также министр промышленности и торговли, депутат Сейма. В 1928–1932 гг. военный атташе в Токио. С 1935 г. в отставке.

Бек Юзеф — польский политик, дипломат, дипломированный полковник артиллерии, один из соратников и доверенное лицо Ю. Пилсудского, в 1932–1939 гг. министр иностранных дел.

Гebbельс Пауль Йозеф — государственный и политический деятель нацистской Германии, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии (1933–1945 гг.).

➤➤ Германию, Польшу, Японию и Финляндию при всем их разнообразии, противоречиях и разногласиях, часто далеко расходящихся, объединяет один общий противник — советская власть в Москве и общность одной ближайшей задачи — военный разгром и политическое крушение этой власти.

сались «допустить пропуск германских войск через польскую территорию». Автор считал, что «германское вторжение на территорию России произойдет либо через союзническую территорию входящей в состав коалиции Финляндии, либо с применением, если потребуются, силы через территории Латвии и Эстонии, возможно даже одновременно обоими путями с направлением на Петербург, на сообщения между Петербургом и Москвой и на Москву».

Отметив тот факт, что в последнее время к данной трехзвенной коалиции примкнула еще и Финляндия, автор переходит к подробному рассмотрению побудительных причин, интересов, замыслов, целей участников новоявленного квартета. Вначале он справедливо отмечает, что в качестве некоего общего знаменателя

➤ Лозунг «Долой Москву» — призыв к завоеванию национальной независимости — заключал в себе также лозунг «Долой коммунизм», призыв к экономической свободе.

выступает стремление участников свергнуть советскую власть, ведь именно этот факт позволил бы каждому из них достичь желанных целей. Каковы же эти цели?

По его мнению, в Германии «движение на Восток» рассматривалось прежде всего как завоевание жизненного пространства для реализации того могучего творческого и исполнительского потенциала, которым обладает немецкий народ. Великолепно организованный, стремящийся к преодолению «версальских» ограничений, он был готов выполнить волю провидения, мистическим проводником которого ему представлялся фюрер, мнивший себя мессией, призванным избавить мир от московского коммунизма. «В германском „движении на Восток“ имеются все элементы — мистика, миссионизм, инстинкт народных масс, которые в состоянии придать ему громадное напряжение, зарядить его всепоглощающим „динамизмом“. И в то же время эти слепые, стихийные силы послушны контролю и руководству холодного разума государственных людей, военных стратегов и магнатов промышленности».

Совсеминой характер носили польские планы «движения на Восток», которые в отличие от германских были чужды широкому народным массам и навязывались полякам сверху диктатором Пилсудским и его окружением. Они нашли отклик в некоторых политических и деловых кругах Польши, но встретили сопротивление со стороны немногочисленной общественной оппозиции. В слу-

чае реализации этих планов последствия для польского народа могли быть весьма печальными, поскольку возникли бы новые угрозы, прежде всего со стороны Берлина. «Германия, в своем победоносном „движении на Восток“, достигая небывалой мощи политической, военной, экономической, может когда-нибудь вспомнить о том, от чего она отреклась в пользу Польши. В Германии проснется прежняя неприязнь, даже прежняя брезгливость и презрение к польскому народу. И тогда горе Польше. Тем более что за время своей дружбы и сотрудничества с Германией она растеряет всех своих старых друзей и покровителей».

Подводя итог рассмотрению мотивов польского «движения на Восток», неизвестный автор констатирует, что оно «носит в значительной степени личный характер и имеет своим главным источником умонастроения и волю одного человека — маршала Пилсудского». Он создает предельно четкий и беспощадный по своей правдивости психологический портрет Пилсудского: «В мозгу этого неуравновешенного, экзальтированного, больного человека идея „Великой Польши“, бесконечно расширяющей свои пределы за счет Литвы, Белоруссии и Украины, эта идея в связи с закоренелой ненавистью к России и со страхом перед возрождением новой, национальной России приняла формы болезненной „навязчивой“ идеи. Величие Польши и унижение России были заветной мечтой этого человека, составляя все содержание, весь смысл его жизни и деятельности. Старея, теряя зубы и ногти, чувствуя приближение смерти, он торопится, чтобы увидеть при жизни торжество своей идеи».

Пытаясь объяснить мотивы интервенции Японии против СССР, автор «гучковского» документа утверждает, что они преимущественно не имеют под собой экономической, политической или терри-

Геринг Герман Вильгельм — политический, государственный и военный деятель нацистской Германии, рейхсминистр Имперского министерства авиации. Приговором Нюрнбергского трибунала был признан одним из главных военных преступников и приговорен к смертной казни через повешение, но накануне казни покончил жизнь самоубийством.

Министр иностранных дел Польши Юзеф Бек приветствует немецких солдат на торжественном параде, устроенном в честь приезда польской делегации. Июль 1935 г.

ториальной подоплеки. По его мнению, Токио, пытаясь обеспечить безопасность дальнейшего продвижения в Китае, стремится обезопасить свои тылы от той угрозы, которую представляет собой советский Дальний Восток. Поскольку договорные отношения с советской властью, по его мнению, вещь ненадежная, Токио ищет альтернативные пути. «Отсюда народилась и крепнет мысль о создании на Дальнем Востоке какого-то государственного образования параллельного и сходного с Маньчжоу-го, какого-то русского приморского государства под покровительством Японии и в фактической зависимости от нее».

Автор весьма справедливо отмечает, что Япония, возможно, и не торопилась бы с вооруженным вмешательством, однако ей приходится учитывать вероятность того, что власть Москвы может ослабеть. Это в свою очередь может привести к восстанию местного населения. Тогда «японские вооруженные силы лишь придут на помощь этому освободительному народному движению, направленному к свержению советского режима». Японии никак нельзя упустить «случай с небольшим напряжением, быть может и без всякого напряжения, выполнить свою задачу».

Заключительная часть очерка посвящена примкнувшей к польско-германо-японской коалиции Финляндии и национальным движениям на территории Советского Союза. Автор отмечает, что идея создания «Великой Финляндии» за счет присоединения Ингер-

манландии, Карелии и территорий чуть ли не до Урала «и раньше культивировалась в некоторых кружках финляндских политических мечтателей». Затем он начинает развивать мысль о том, что неудачи, связанные с проведением коммунистического эксперимента, способствовали росту недовольства, сепаратистских и националистических настроений среди народов Советского Союза. Автор отмечает, что центры этих националистических движений нередко находятся за границей и занимаются активной деятельностью. «Эти тенденции, во всяком случае некоторые из них, наиболее важные, имеют за границей свои организованные представительства, в различных формах и под различными наименованиями образуют как бы „национальные комитеты“, которые в международной обстановке подготавливают борьбу за независимость своих национальностей. Некоторые из этих комитетов приобрели связи в некоторых государствах с правительственными, политическими и общественными кругами».

На этом документ обрывается, но в последнем предложении содержится весьма важное наблюдение автора касательно связи этих самых «национальных комитетов», находящихся вне территории Советского Союза, с государственными и иными структурами. Такие связи носили весьма широкий характер. Упомянутые зарубежные государственные структуры не чурались использовать национальные движения в Советском Союзе и других странах в своих целях.

Документальный материал, «изъятый агентурным путем» у А.И. Гучкова, об истории возникновения германо-польской коалиции и ее планах, направленных против СССР [8].

23 апреля 1935 г.

Совершенно секретно
Документально
(Из архива А.И. Гучкова)
«История одной коалиции и ее планы»

Два года тому назад, с началом осложнений на Дальнем Востоке, началось сближение между Японией и Польшей. В ожидании вооруженного конфликта с СССР на Дальнем Востоке Япония была заинтересована найти себе союзника на Западе, который оттянул бы на себя часть вооруженных сил Советской России. Польша в то время, еще до соглашения с Германией, предвидела опасность со стороны СССР и искала себе в случае вооруженного конфликта военного союзника на Дальнем Востоке. Тогда же был заключен в Токио между обеими сторонами договор о взаимной военной поддержке, причем деятельным агентом при этих переговорах был польский военный атташе в Токио полковник Рейхман, ныне занимающий пост министра торговли в Варшаве.

Несколько позднее обозначились признаки сближения между Германией и Польшей, причем инициатива принадлежала Польше. Произошло в Женеве свидание германского министра пропаганды Геббельса с польским министром иностранных дел Беком. Предложение представителя Германии сводилось к следующему: разумеется, между Германией и Польшей существует серьезное разногласие, серьезное, но не жизненное. Напряженное настроение в обеих странах в отношении друг друга, а тем более вооруженное столкновение, могут быть пагубными для обеих сторон, следует найти формулу примирения в путях взаимных самых широких уступок. А компенсации за эти уступки могут быть найдены на Востоке.

Эти размышления представителя Германии встретили сочувствие у руководителей польской иностранной политики. Позднее беседы на ту же тему продолжались в Берлине, частью при личном участии Гитлера. Закончились эти переговоры в Варшаве во время визита генерала Геринга, причем были выработаны основные базы соглашения и намечены общие пути к осуществлению плана.

Основные базы сводятся к следующему: Польша готова уступить Германии Данциг и коридор, а также допустить некоторое исправление границ. Взамен этого Германия отказывается от каких-либо иных территориальных притязаний в отношении Польши. В порядке дальнейших компенсаций Польша получает свободу действия в отношении Литвы, причем, однако, Германии возвращается Мемель. Судьба балтийских государств Латвии и Эстонии предрешена. Их территории должны служить для Германии и Польши компенсациями за уступки, сделанные обеими сторонами, а также открыть им доступ к морю.

В течение переговоров, предшествовавших соглашению, выяснились также серьезные разногласия между обеими сторонами. Маршал Пилсудский, преследуя свою заветную мечту о создании «Великой Польши», желал включить в состав этой Польши возможно больше территорий из разгромленной России, в частности из Белоруссии и Украины, и оставить возможно меньше для образования тех самостоятельных малых государств, на которые должна была распаться Россия. Германия была заинтересована в противоположном решении вопроса — не допустить чрезмерного усиления Польши и сохранить возможно больше территорий для тех новых государственных образований, которые возникли бы на месте прежней России, ибо эти

новые государства, политически слабые и доведенные советским режимом до крайних пределов обнищания и физического истощения населения, должны в представлении Германии явиться пространствами для германской экспансии и экономической эксплуатации. Другим пунктом разногласия являлось отношение той и другой из договаривающихся сторон к характеру той власти, которую надлежало бы установить в Москве. Маршал Пилсудский желал бы, чтобы в Москве сохранилась власть большевиков, или какая-либо иная, ей родственная, — такая власть, по мнению Пилсудского, продолжала бы работу теперешней советской власти по разложению страны и истощению населения и не допустила бы создания национальной России, которая со временем предъявила бы свои требования к Польше. Германия заинтересована в противоположном решении этого вопроса — создании в Москве какой-то здоровой национальной власти, которая принялась бы за восстановление России в нормальных политических, социальных и экономических условиях, обеспечивала бы стране возвращение к тому спокойствию и порядку, при которых только и могла бы Германия вложить в страну свой дух предприимчивости и свои капиталы.

Третьим пунктом разногласия являлся вопрос стратегический, вопрос о том, в каких формах и какими путями могло бы произойти вооруженное вмешательство Германии, которая не имеет общих границ с СССР. Не доверяя скрупулезной лояльности Германии, даже прогерманское польское правительство Пилсудского и Бека опасалось бы допустить пропуск германских войск через польскую территорию. Этот вопрос ныне решен в том смысле, что германское вторжение на территорию России произойдет либо через союзническую территорию, входящей в состав коалиции Финляндии, либо с применением, если потребуется, силы через территории Латвии и Эстонии, возможно даже одновременно обоими путями, с направлением на Петербург, на сообщения между Петербургом и Москвой и на Москву.

Улажены ли окончательно эти разногласия между договаривающимися сторонами или их решение предоставлено дальнейшему ходу событий, трудно сказать. Во всяком случае придется признать, что они ныне не служат препятствием к выполнению намеченного плана.

В последнее время к этой трехчленной коалиции — Германия, Польша, Япония — примкнула также Финляндия.

Разумеется, у каждого из участников этой коалиции имеются свои собственные побудительные причины, свои интересы, свои замыслы, свои конечные цели. Но при всем этом разнообразии, при всех этих противоречиях и разногласиях, часто далеко расходящихся, их объединяет один общий противник — советская власть в Москве и общность одной ближайшей задачи — военный разгром и политическое крушение этой власти.

Только тогда открывается перед каждым из них выполнение тех частных задач, которые диктуются им их интересами и их планами.

Возрождающаяся Германия в своих усилиях завоевать доминирующее положение в мировом обороте, в своих поисках найти выход избытку своего населения и своего промышленного производства, своему духу предприимчивости и своим творческим силам наталкивается со всех сторон на непереходимые или трудно переходимые барьеры, созданные демографической и экономической политикой других стран. Ей предоставляется, что выход на мировой простор она найдет на Востоке, на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины, с теми неисчерпанными и естественными богатствами, которые она сумеет вскрыть и использовать, и с теми обширными рынками, которые она сумеет там создать. Динамизм германского движения на Восток складывается из разнообразных элементов. Тут есть мистицизм «фюрера», его вера в свою провиденциальную миссию — он спас Германию от коммунизма, он спасет во главе Крестового похода весь мир от этого зла, заодно он выве-

дет свой народ на широкий простор, который откроет ему бесконечные горизонты экспансии. Тут есть холодные расчеты сильных голов германского генерального штаба, которые на новых экономических базах строят новые «потенциальные войны», обеспечивающие создание небывалой еще военной мощи германского Рейха. Тут есть спокойные деловые расчеты германских экономистов и представителей германской промышленности, в частности тяжелой промышленности, которая в естественных богатствах Восточно-Европейской равнины, в частности Донецкого бассейна и Урала, предполагает найти все то сырье, которое недостает могучему аппарату германской обрабатывающей промышленности. А затем в широких массах германского народа, особенно среди молодого поколения, в тех тяжелых условиях борьбы за существование, которое они повседневно ведут, при той устойчивости, неуверенности в завтрашнем дне, какими характеризуется материальное положение страны, создается тоже своего рода мистическая вера, что всем этим лишениям и тревогам придет конец, когда германский народ двинется в обетованную землю, крестьянская молодежь, обездоленная законом о единонаследии, сядет колонистами на свободные земли, избыток интеллигенции и полу-интеллигенции, особенно той, которая технически подготовлена, придет на смену исчезнувших, ослабевших, опустившихся соответствующих русских слоев населения, прибывших в качестве квалифицированных рабочих, мастеров, техников, инженеров, служащих громадной работе по воссозданию, разрушенной коммунистами экономики страны. В германском «движении на Восток» имеются все элементы – мистика, миссионеризм, инстинкт народных масс, которые в состоянии придать ему громадное напряжение, зарядить его всепоглощающим «динамизмом». И в то же время эти слепые, стихийные силы послушны контролю и руководству холодного разума государственных людей, военных стратегов и магнатов промышленности.

Совсем иной характер носят восточные планы, которые отмечаются в политике польского правительства. В польском народе, особенно среди народных масс, эти планы не находят никакого отклика. Они ему навязаны сверху, прежде всего диктаторам Польши, маршалом Пилсудским и его ближайшим окружением, при ближайшем участии министра иностранных дел Бека и других полковников, составляющих современное польское правительство. Планы эти, однако, находят себе поддержку в некоторых политических и особенно в некоторых деловых кругах. Имеется, однако, и сильная оппозиция, которая считает, что дружба с Германией и военное сотрудничество с ней могут когда-нибудь дорого обойтись Польше. Германия, в своем победоносном «движении на Восток» достигая небывалой мощи политической, военной, экономической, может когда-нибудь вспомнить о том, от чего она отреклась в пользу Польши. В Германии проснется прежняя неприязнь, даже прежняя брезгливость и презрение к польскому народу. И тогда горе Польше. Тем более что за время своей дружбы и сотрудничества с Германией она растеряет всех своих старых друзей и покровителей. Наличие такой оппозиции не может, однако, остановить польское правительство в его планах. Режим личной диктатуры, прочно опирающейся на все рычаги властвования, на правительство и его органы, на сейм, на армию, наконец, на некоторые политические и общественные слои, на часть общественного мнения, не будет стесняться этой оппозиции и, когда придет момент, через ее головы приступит к выполнению своего плана. А с началом военных действий умолкнет и оппозиция, ибо она по своим настроениям национально-патриотично и лояльно и самоотверженно отдает свои силы борьбе за победу. Таким образом, польский план «движения на Восток» носит в значительной степени личный характер и имеет своим главным источником умонастроения и волю одного человека – маршала Пилсудского. Но в мозгу этого неуравновешенного, экзальтированного, больного человека идея «Великой Польши», бесконечно расширяющей свои пределы за счет Литвы, Белоруссии и Украины, эта идея, в связи с зародившейся ненавистью к России и со страхом перед возрождением новой, национальной России, приняла формы болезненной «навязчивой» идеи. Величие Польши и унижение России были заветной мечтой этого человека, составляя все содержание, весь смысл его жизни и деятель-

ности. Старая, теряя зубы и ногти, чувствуя приближение смерти, он торопится, чтобы увидеть при жизни торжество своей идеи.

Разумеется, роль третьего участника коалиции, Японии, совершенно особая. Задачи, которые она себе ставит, носят совершенно реалистический характер. Япония не ищет территориального расширения на Дальнем Востоке за счет России, во всяком случае на материке. Дело могло бы идти разве только о Северном Сахалине. Японию не манят широкие пустынные сибирские пространства, не пригодные для японской колонизации, перед ней стоят еще трудные задачи использования Маньчжурии и расширения своей власти на обе Монголии. У Японии имеются некоторые экономические интересы, связанные с русской государственной территорией. Это нефтяные богатства северного Сахалина, рыбные ловли и т.п. Но и эти интересы не настолько жизненны, чтобы идти на те риски и, главное, на те крупные затраты, с какими было бы связано вооруженное столкновение с СССР на Дальнем Востоке.

Но при тех отношениях, какие создались между Японией и советской властью, в японских военных кругах народилось серьезное беспокойство относительно той роли, которую в случае вооруженного столкновения с СССР могли бы сыграть крепость Владивосток и Приморская область. Находясь в близком соседстве японских островов, в тылу и во фланге коммуникационных линий, связывающих Японию с Маньчжурией, эти русские территории могли бы послужить для создания целой сети баз для подводных лодок и военной авиации. В случае войны за обладание Тихим океаном эти базы могли бы послужить для подводных набегов и воздушных налетов не только Советской России, но и Соединенным Штатам. Поэтому план полной, радикальной демилитаризации этих территорий, и притом навсегда, составляет настоятельное требование японского генерального штаба. Правда, демилитаризация, казалось бы, может быть достигнута путем договорных соглашений. Но возможны ли сколько-нибудь надежные договорные отношения с советской властью. Демилитаризация одной стороны не потребует ли демилитаризации и другой. Наконец, создание, тем более воссоздание, подводных и авиационных баз при условии, что имеется под рукой необходимое техническое оборудование, не требует продолжительного времени. Радикальная демилитаризация Владивостока и Приморской области с устранением навсегда всякой опасности для Японии возможна, по мнению японских военных кругов, лишь в том случае, если эти территории не будут в кругах советской власти. Отсюда народилась и крепнет мысль о создании на Дальнем Востоке какого-то государственного образования, параллельного и сходного с Маньчжоу-го, какого-то русского приморского государства под покровительством Японии и в фактической зависимости от нее. Каковы будут пределы владения этого нового государственного образования на Западе, войдут ли в его состав постепенно, со временем и Приамурский край, а затем и Забайкалье и вообще вся Сибирь на восток от озера Байкал – все это вопросы, которые сейчас не ставятся и разрешение коих предоставляется дальнейшему ходу развития событий.

Как ни важна с точки зрения военной безопасности для Японии задача демилитаризации русского Дальнего Востока, Япония не торопилась бы в порядке вооруженного вмешательства настоять на разрешении этого вопроса. Но если наступят для советской власти тревожные дни на западных границах СССР, если в Москве ослабеет, а быть может и рухнет, советская центральная власть, если, вследствие этих событий, ослабеет, а быть может рассыплется, сила сопротивляемости Дальневосточной Красной армии, то нельзя допустить и мысли, чтобы Япония упустила этот случай с небольшим напряжением, быть может и без всякого напряжения, выполнить свою задачу. Военные операции не должны даже принимать формы иноземного нашествия и войны – население русского Дальнего Востока, почувствовав ослабление или даже исчезновение советской власти, несомненно, поднимет восстание. И японские воору-

женные силы лишь придут на помощь этому освободительному народному движению, направленному к свержению советского режима.

Позднее других, в качестве четвертого участника, примкнула к коалиции также Финляндия. Идея «Великой Финляндии», расширение ее пределов за счет соседних русских территорий – Ингерманландии¹, Карелии, вплоть до побережья Белого моря, а может быть до Урала – эта идея и раньше культивировалась в некоторых кругах финляндских политических мечтателей. Но по мере того, как Россия под экспериментом коллективизации слабела, разлагалась, изнемогала, все яснее обрисовывалось на окраинах, населенных инородческим элементом. Слабое временное правительство не было в состоянии остановить это движение, а в некоторых случаях даже пошло на уступки. Советская власть, провозгласившая принцип «свободного самоопределения народностей», формально пошла навстречу стремлениям отдельных национальностей к независимости в пределах Советского Союза, т.е. федерации, однако эти уступки носили чисто формальный и в значительной степени призрачный характер. Некоторая свобода была действительно предоставлена в культурной области, в отношении школы, языка. Но в области политической, социальной, экономической центральная власть Москвы не предоставляла ни малейшей свободы отдельным национальным республикам. Строгая концентрация проводилась не столько через государственные органы, сколько через разветвления единой партийной коммунистической организации, находящиеся в беспрекословном повиновении центрального органа партии. В таких условиях партикуляристские и сепаратистские тенденции продолжали развиваться, особенно в интеллигентских слоях отдельных народностей. По мере того как выяснялся провал коммунистического эксперимента над страной, по мере того как попыткой коллективизировать деревню было хозяйственно разгромлено крестьянство, по мере того как росло разочарование, недовольство, ослабление во всех слоях населения, эти национальные тенденции сепаратизма обострялись и крепились. В московской центральной власти усматривали не только национального врага, угнетателя национальностей, в ней видели главного представителя и проводника того коммунистического эксперимента, который довел страну до полного хозяйственного разорения. Лозунг «Долой Москву» – призыв к завоеванию национальной независимости – заключал в себе также лозунг «Долой коммунизм», призыв к экономической свободе.

Эти сепаратистские тенденции отдельных народностей внутри России, в тех условиях сыска, расправы, террора, которые характеризуют советский режим, выражаются лишь в формах народных чаяний, настроений и лишь редко выливаются в формы тайных организаций и заговоров. Но эти тенденции, во всяком случае некоторые из них, наиболее важные, имеют за границей свои организованные представительства, в различных формах и под различными наименованиями образуют как бы «национальные комитеты», которые в международной обстановке

References

1. Morozov S.V. "Varshavskaya melodiya" dlya Moskvy i Pragi: dokumenty iz lichnogo arkhiva I.V. Stalina, Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii, II Otdela Glavnogo shtaba Voyska Pol'skogo i dr. (1933–1939 gg.) ["Warsaw Melody" for Moscow and Prague: Documents from the Personal Archive of I.V. Stalin, the RF Foreign Intelligence Service, the Second Department of the General Staff of Polish Armed Forces and Others (1933–1939 Biennium)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017, 591 p.
2. Morozov S.V. *Igry teney v evropeyskoy mezhdunarodnoy politike v 1930-e gody* [The Shadows Games in the European International Policy in the 1930s]. Velikaya Pobeda. Internet-proekt. Pod obshchey redaktsiyey S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. Tom II. Kanun tragedii. Moscow, MGIMO (Universitet) MID Rossii, RVIO, 2015, pp. 7–28, available at: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>.
3. Morozov S.V. *Kak piisudchiki skolachivali "severnnyy blok" (1934 — vesna 1935 g.)* [How Piisudski's Followers were Knocking Together the "North Block" (1934 — Spring 1935)]. Velikaya Pobeda. Internet-proekt. Pod obshchey redaktsiyey S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. Tom II. Kanun tragedii. Moscow, MGIMO (Universitet) MID Rossii; RVIO, 2015, pp. 29–51, available at: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>.

подготавливают борьбу за независимость своих национальностей. Некоторые из этих комитетов приобрели связи в некоторых государствах с правительственными, политическими и общественными кругами. Некоторые из них.

ПРИМЕЧАНИЕ ИНО ГУГБ: I. Материал изъят агентурным путем из переписки Гучкова А.И.

2. Материал не имеет окончания.

ВЕРНО: ЗАМ. НАЧ. ИНО. ГУГБ НКВД (подпись) (СЛУЦКИЙ)

ЭЭ

ПЭС 17025 / 01.02.2017

Примечание

1. Ингерманландия (русск. Ингрия, Ижора, Ижорская земля) — этнокультурная и историческая область на северо-западе современной России. Располагается по берегам Невы, ограничивается Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским озером на западе и Ладожским озером с прилегающими к нему равнинами на востоке. Ее границей с Карелией считаются реки Сестра и Смородинка.

Источники

1. Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги: документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939 гг.). М.: Международные отношения, 2017. 591 с.

2. Морозов С.В. Игры теней в европейской международной политике в 1930-е годы // Великая Победа. Интернет-проект. Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. II. Канун трагедии. М.: МГИМО (Университет) МИД России, РВИО, 2015. С. 7–28. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>.

3. Морозов С.В. Как пилсудчики сколачивали «северный блок» (1934 — весна 1935 г.) // Великая Победа. Интернет-проект. Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. II. Канун трагедии. М.: МГИМО (Университет) МИД России;

РВИО; 2015. С. 29–51. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>.

4. Морозов С.В. «Лебединая песня» маршала, которой так и не суждено было прозвучать // Великая Победа. Интернет-проект. Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. II. Канун трагедии. М.: МГИМО (Университет) МИД России, РВИО, 2015. С. 52–72. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>.

5. Морозов С.В. К вопросу о секретном англо-японском договоре 1934 г. // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8. С. 153–155. URL: <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/8-1-50.pdf>.

6. Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 138–144. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1500.

7. Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933–1935) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 70–79. URL: http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=1485.

8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Док. 12. Л. 79–92.

4. Morozov S.V. “Lebedinaya pesnya” marshala, kotoroy tak i ne suzhdeno bylo prozvuchat’ [“Swan Song” of Marshal, Which was Never Destined to Sound]. Velikaya Pobeda. Internet-proekt. Pod obshchey redaktsiyey S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. Tom II. Kanun tragedii. Moscow, MGIMO (Universitet) MID Rossii, RVI0, 2015, pp. 52–72, available at: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>.

5. Morozov S.V. K voprosu o sekretnom anglo-yaponskom dogovore 1934 g. [On the Question of a Secret Anglo-Japanese Treaty in 1934]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2016, no. 8, pp. 153–155, available at: <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/8-1-50.pdf>.

6. Morozov S.V. K voprosu o voenno-politicheskom sotrudnichestve Pol'shi i Yaponii protiv SSSR (1931–1935) [On the Question of Military and Political Cooperation Between Poland and Japan Against the Soviet Union (1931–1935)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 413, pp. 138–144, available at: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1500.

7. Morozov S.V. K voprosu o voenno-politicheskom sotrudnichestve Pol'shi i Germanii protiv SSSR (1933–1935) [On the Question of Military and Political Cooperation Between Poland and Germany Against the Soviet Union (1933–1935)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, no. 6 (44), pp. 70–79, available at: http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=1485.

8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fond 558, opis' 11, delo 188, document 12, listy 79–92.